

Валерий Ухандеев

В масштабах криптопоэзии

Кемерово

Офсет

2015

ББК У89

Ухандеев Валерий Константинович, родился 29 сентября 1962 года в Горной Шории. Основатель литературного течения в современной русской литературе как криптопоэзия. Организатор литературного ордена «Экзагега Логоса», ордена паранормальной поэзии. Публиковался в Петербургских и Кемеровских журналах, литературных альманахах «Кольчугинская осень», «Образ». Автор книг «Шахтёрский байки», «Вещь», «Интуэрэ». Проживает в г. Полысаево.

Ухандеев В.К.

У89 В Масштабах криптопоэзии : книга стихотворений /
В.К. Ухандеев; - Кемерово: Офсет, 2015г. – 84 стр.

ББК У89

© В.К. Ухандеев, ТЕКСТ, 2015
© Н.М. Уланов, оформление обложки, 2015
© Офсет, 2015

*Ветер
вычерпал
листья
книги*

Свой голос у каждого снега
В молчании к февралю.
Словно письмо Сенека
Отправил Луцилию.

Письма, как подснежник
В проталине мартовских ид.
Снежное слово держит.
И, словно слеза, дрожит.

Голос, как будто из-за
Наклона почерка, смолк.
Грядущее – телевизор,
В котором идёт снежок.

Черновик и отрывок луны,
Глубина, забинтованная материей.
Днём бесправием поражены,
И подложены мне под двери.

Год последний затеял спор,
Млечный Путь над Сибирью шире.
Смотрит в небо конквистадор –
Карандаш беломирия.

Словно жизнь состоит из двух фраз,
И идём мы по переулку,
И нас выдержит наст,
Только ты удержи мою руку.

Снег приходит прозрачным
В этот призрачный мир,
Опускаясь на спящую дачу
Со звезды Альтаир.

И становится чисто
На земле, и сотни стрекоз
Собирают прозрачные листья
Осенних звёзд.

Есенину

Ты в рубашке вселенской скорби
Появился на свет.
Пустота лучше всех из обуви,
Если в прошлое брода нет.

Возвращаясь в своё пространство
На телеге оконных рам,
Ты из суточного баланса
Солнце выбросила к чертям.

Ведь на солнечном циферблате
Слишком много гиблых мест.
За гардинами в чёрном халате
Англитеровский манифест.

Я забыл, как выглядит шинель,
Дед остался навсегда красноармейцем.
Ода Северному ветру Шелли,
Почему-то в память врежется.

Дед остался лежать
На обугленном кровью насте.
Рядом с тем, у кого рукоятка ножа
Опечатана позолоченной свастикой.

Ветер Северный передаст на словах:
«Жаль, что вы не успели».
Ведь шинели как пятна в снегах
Лишь недавно истлели.

Я встречу снег светонесущей у стены
В том месте, где проклюнулись четыре пули.
Как будто бы свинцовыми мазками сны
Запечатлели слепнущую улицу.

Снег утаён в кровосмешении
Костров. Вольфрамовая ДНК
Его вернёт в седьмом колене
Из стеклянного пузырька.

И свет пойдёт по свету,
И упадёт вон там,
Где тишина, умноженная вчетверо
К свинцовым устремятся корням.

Тихий ангел. Просёлочный город
Пересыпал крест-накрест тоской.
Словно это погост какой-то –
Перепутка под лунной пятой.

Хочу, чтоб всё застыло напрочь.
Так прочно, чтобы не содрать,
Вот с этой лужи ледяную наволочку
Застиранную снегом гладь.

Беспрекословно вынести и спрятать
Свой мир в осколок ледяной.
Из неизвестности хрустально-пятый
Всадник возвращается домой.

И этот путь метельно долог
Был в откровении его.
Ночь. Загипнотизированный город.
Осколки льда как гвозди от подков.

Ночь ближе всех к карандашу
Простому.
Зачем-то вновь переспрошу –
Ночь – омут?

Кудри – волосы огня –
Отдаст за старт ракета.
Гагарин в космосе, и хрупкая Иня
Поднимется к нему на три весенних метра.

Ведь половодье это крик,
Крик радости и только.
Мы первыми перелопатили на штык
Космическое поле.

Ночь ближе всех к карандашу,
С рубцами на запястье.
Я небо так переспрошу
Ночь – счастье?

Когда будильник не скрывает тон,
Разбавленный минутой отрицания,
Я склонен всматриваться в небосклон,
Чтоб прикоснуться к капле калия цианистого.

Я наугад открою небострой,
И выпадет ассиметрическая страница.
И Серафим пророческой строкой
На черновик облокотится.

И недозволенная глубина
Бульдожьей хваткой вцепится меж строчек,
И строчка верхняя как чёрная спина
Вздыбится под падающим почерком.

Дым осыпается с небес,
И словно чёрным гнусом,
Облеплен придорожный мусор
На этом вот клочке СССР.

Высоковольтная звезда
На обелиске красного рассвета,
И лесополоса цитата:
Надежду всё-таки оставь

Завороженный этой фразой,
Дорожный знак перекрестил восток,
И в огненный платок
Завёрнут сумеречный разум.

Скорей, скорей
Границу всех миров услышать.
Молчание, что льётся свыше
И окрики преследователей.
Луна желтопузая змея,
Обвила центр времени
На циферблате лужи.
Тени чёрная душа,
Невольно от меня,
Тихонько отползает
К сердцевине всё той же лужи.
Достигнув дна,
Отведав отвара тины,
Мой след
В объятии змеином,

Конечно, стынет.
Шестерёнки льда
Закрутятся,
И вытолкнут моё мгновение
Из бездны
Дальше в никуда.

Здесь на закате Солнце флаг,
Приспущенный в знак траура.
Багровый яр.
Здесь русские снега
Лежат побатальонно.
И крик души,
Как подобает воину,
Пронзает небо
На острие высоковольтной стрелы.
Лишь кое-где
На рваных бушлатах
Прошлогодней травы,
Весна оставила подснежники.

Когда мирок как остров
Млечной пеной обнесён.
Я вслушиваюсь.
Вот волны его голос,
Взвалив на плечи

Подводят к чистому песчаному листу,
Ещё недавно испещрённому молчанием
Прощания.
И, кажется,
Что я вот-вот прочту:
Я жизнь свою возвёл в ранг слова.

Вкус пламени солоноватый, словно всю
Кровь выпил воспалённый разум.
Я слышу хвороста грызню,
Когда язык огня развязан.
И нелегко молчать,
Когда огонь расковывает душу.
И солнце затмевать
Под гимн кликуши.
Смотреть, как вынимает плоть из камня,
Резчик вечный подмастерье – ветер.
И впредь себя короновать
Щитом Луны на перекрёстке Млечном.

Последний день и первое мгновение.
Граница ассиметрией легла
Тень, словно чёрное растение,
Лелеет солнечная мгла.

И замкнуты в себе черта и посох,
Ржавеет на лугах жара,
И в рубище чертополоха,
Укуталась заря.

Не стоит ввязываться в вечность,
На спицы света собирая петли дня,
Кольчугу ряби чуть набросила на плечи
Отмели река Иня.

На подоконнике вселенной
В пригоршне бездны лунный одуванчик.
Надел оконный ему тесен,
Когда он полнолунием охвачен.

Ночь. Тело глубины
Прижалось к зеркалу полупрозрачной кожей.
Дыхание миров иных
Отозвалось волнительною дрожью.

Ведь в зеркале она,
С кем буду я когда меня не будет.
Закроют зеркала и глубина
Целует избранного в губы.

Есть ненависть к жизни.
Огонь мотылька не согреет.
Есть книга на нижней
Полке «Портрет Дориана Грея».
Есть вещи
Эфемериды по умолчанию.
Чуть проступают, женщины
Очертания.
Там где-то в поле
Зрения мотылька,
Как огненный колер
Пленительного мирка

Поменяемся местами
Снег и я,
И прижмусь к оконной раме,
Гость небытия.

Где высокий подоконник –
Крест мой в проруби окна,
Снег, блаженный на ладони,
Словно льдом Русь крещена.

Ветер вычерпал листья книги,
Изогнул позвоночник слов,
И оставил эту горсть ежевики
На могилах конквистадора.

На кладбище старое
Осень всё же пришла одна.
И усопшего солнца огарок,
Принесла на ладони она.

Может быть, тишину согрели
Эти капли вечерней зари.
На кладбищенские деревья
Сели солнечные снегири.

Раздумий лёгкое поветрие,
Трава обласкана луной.
Дрожь капли в отражённом свете
Живёт сама собой.

И ожидание становится
Невыразимую чертой
Бессонницы
Ночной.

Бессмысленность и бесконечность –
Две ипостаси, две стены.
К цепи моих следов прикован млечный
Путь, заклёпкой выцветшей луны.

Всё происходит, словно в чистом
Пространстве искупался черновик.
И откровение в молчании неистовом
Глядит на божий лик.

Чистая горечь
Пречистой слезы,
Разрезана полночь
Словно змеи язык.
На две половины
Лезвием сна,
И истинно истина
В кубке вина.

Когда лошадь вывели из шахты

Отнесите меня к пропащим,
Отмель выберите вон ту,
Там где сопка глинистой пашней
Окольцована, словно Сатурн.

Понимаю со мной, а не с нами
Происходит что-то не то.
Уголь ведь философский камень
Из подземных реторт.

Подсластило тьму электричество
И оставило горький факт.
Слёзы лошади так привычно
Обжигали ладони шахт.

Пасхальный звон

Подоконник – подбородок
Светоносного лица,
Взгляд безоблачен и кроток,
Словно здесь престол творца.

Стол, рассыпанные книги,
Словно истины зерно.
По-пасхальному великий
День шагнул в моё окно.

Взгляд, как птица, опустился
На прозрачную волну.
Жизнь – мгновение, миг скрылся,
В медь крылатую нырнув.

Всхлипнули дверные петли,
В комнату вернулся кот...
Неужели в медном теле
Сердце медленно сдаёт?

Я не буду похоронен
В точности, как мой дед,
Состарившиеся ладони
Оврага подхватят мой след.

Тонкая кисть калины
Опустилась на бушлат,
Мне дед передаст своё имя –
Именно неизвестный солдат.

Чтоб домолчаться до бога,
Когда там прижмёт совсем,
Я вытолкну на дорогу
Значок ВЛКСМ.

Течёт по артериям штреков
Кровь горячих сердец мартена
И пережёвывает зубами и дёснами шнеков
Стальной старатель чёрное золото вселенной.

Здесь связаны клятвой крови
Вечность с мгновением.
И под одной кровлей
Работают люди и тени.

Ржавеют тела копателей
Палеозойских кладбищ.
И поедают стальные стада старательно
Последние палеозойские пастбища.

Как непривычна тишина
Заброшенной шахтовой штольни.
Здесь всё ещё конвейера спина
Несёт крест угольно-краеугольный.

Лапы под себя поджав,
Съежившись, грустит лебёдка.
И литография окаменевших трав,
Висит ненужной никому находкой.

Над головой стальная тетива
Крепёжной рамы арбалета.
И не до хвастовства,
Когда до бездны может быть полметра.

Ночь. Солнечная язва. Принесите йод,
Чтоб исцелить от полнолуния нарыв оконный,
И приложите лёд,
Как лепесток настойки сонной.

Тьма погрязла в холоде и кстати
Среди усопших тел,
Лампочка, изголодавшаяся за день
Пьёт кровь из медных вен.

Молчание становится весомей.
Чугунная печать сковороды
Сжимает челюсть книжную, и тени в доме
Приветствуют оконные кресты.

И зародившись в лунной протоплазме
Редкоземельный элемент,
Ночами просвещает Северную Азию,
Чуть изменив вольфрамовый акцент.

Среди бездомных вьюнков,
Вьюнок с большими испуганными листьями,
И с огромным открыто-фиолетовым цветком,
Смотрел на меня, ухватившись
За ажурные листья пионов.
Но этот взгляд прошёл мимо моего сердца.
Я убирал с грядки
Зелёный шлейф сорного мокреца,
И мимоходом сорвал фиолетовую улыбку.

И моё сердце услышало
Сорванный голос вьюнка.
С открыто-фиолетовым цветком.
Забросив прополку,
Я посадил вьюнок в родную землю.
Утолял его жажду водой,
Но вьюнок стал моей печалью.
И вот сейчас съезжившись
От ледовитых слов:
Смотрите, как зарос вьюнком огород».
Я жду, когда воскреснет цветок
С большими испуганными листьями,
С улыбкой
На открыто-фиолетовых лепестках.

Здесь пыль, словно времени крах,
Сидит на коленях шоссейной дороги.
Гадают задумчиво на бобах
Подсолнухи в огороде.

На солнцепёке под спутниковой антенной,
Земля заросла стеклом,
На подоконнике под фанерным затмением
Чахнет взгляд комнаты.

Дождь не поверил.
Снег мне врёт,
Про белые лужайки в небе,
Что тишина следы все заметёт
И млечную версту
Ту, первую, тебе вернёт,
Высохшей полыни стебель.
Между секундами просвет,
Оттуда льётся время.
Отсюда тоже льётся свет,
Как будто бы открыли дверь в переднюю.
Дождь потянул за бахрому
Нависшего молчания.
Снег выиграл иму-
щественный спор
У подсознания.

Я фаталист, моё предназначенье
Не брод, а омут отыскать.
Мистическое совпадение
Перо, как окровавленная печать.

Я, словно лезвием стираю,
Набело с черновика.
Я мысль свою воспринимаю,
Как чей-то шепот – я его слуга.

Я слышу, нет, я вспоминаю
Судьбу, читая по руке.
И душу оставляю
Здесь в неразгаданной строке.

Город – стоптанный башмак
Девятнадцатого века.
С крыш блестят, как будто в лак
Окунули льда побег.

Нацарапаны гравюры
На оконном камне льда,
И дэ юрэ
Есть в Эдеме города.

Ночь опускается ко дну –
Небо к изголовью.
И приближает глубину
Падения зов лунной крови.

Сердцебиение твоё
Забуть в моей ли власти,
Мы сновидением живём,
Где счастье.

Отдайте молчанию небо
С первыми восходами звёзд.
Луна, словно светлая нерпа,
За облаком прячет хвост.

Время – душа пространства,
Можно сказать – одно.
Для млечного протуберанца
Создания земноводного.

Я привыкаю к мысли,
Когда мне не по себе.
Из пятого океана вышли
Мы все.

Начало улицы космонавтов,
Восход с масляной краской прохлады
Словно Полысаево автор
Вышел из припаркованной к горизонту «лады».

Город мой ясен и молод.
Двадцать пять знаю будет по осени.
Праздник начнётся с шахтёрской ноты,
Здесь уголь во истину истина.

Пыль придорожную выключает дождик,
И белый воротничок октября,
Как новую должность
Примерит утренняя заря.

Когда-то в шахте работали лошади,
И мне, казалось, что это они по привычке
Тянут стальной плуг,
Который, вонзаясь в угольное поле,
Переворачивает палеозойский чернозём.
И от лучей шахтёрской лампы,
Словно от детского солнца,
На перепаханном антраците
Появляются ростки
Будущего света.

Меня просто не стало,
Где-то там, в глубине земной.
Моё тело из-под завала
Извлекли, разлучили с душой.

Ангел что-то бормочет про крылья,
А душа стоит на своём.
Она траур угольной пыли
Смоет солнечным кипятком.

Чтобы белые крылья в чистом
Небе стяжали синь,
Подземелье каменистое
Поскорее душа покинь.

Луч – стрелка солнечных часов.
Фотон – мгновение.
Выстрел в упор.
В глубины,
Сердцевину
Сердцебиения настенных часов.
С тяжёлым дыханием
Жизнь времени
Медленно сползает по стене.

Снег упал на штыки –
Голоствольное мелкоколесье.
В лужи в чьи-то мирки,
Он скользит по трёхгранному лезвию.

И останется в зеркалах,
Где бездонные листья ржавеют.
Ангел Света в крыльях-лучах
Душу снежную отогреет.

Рисую бабочек на дне
Источника печали.
На тёмной стороне
Души они сгорали.

Огонь до бабочек охоч,
И тень, и тело
Сгорали, падали и ночь
Их обводила мелом.

Угольный камень – чёрный голубь
С огненно-жарким сердцем внутри.
Стаи сгибаются в чёрные горы
И устремляются в ультрамарин.

Рвётся к потомкам ящер крылатый
В окаменевшим полёте своём.
Не выпуская из лап чёрный камень
Словно боится расстаться с пенцом.

На крышах кирпичные гнёзда,
И поднимается дыма крыло.
Души уходят к гнёздам,
Нам, оставляя тепло.

Вольтер, комната и стеллажи
Вдоль стен, вдоль квадратуры круга,
И узел полночи неизлечимо туго
Сдавлив петлю асфальтовой межи.

Свободомыслие. Печать луны
Полуистёрта облаками,
Из центра времени гвоздь из стены,
Часы выкручивают тонкими щипцами.

И времени набел
Безмолвно осыпается на книги.
И сам создатель на часы смотрел,
Сжимая тектонические сдвиги.

День точку жирную поставил,
Расплывшуюся в ярый полукруг.
Деревьям чёрные сандалии
Протягивает огненный Прокруст.

Из луковицы солнца вырастает волос,
Закат расчёсывает эту тень.
Течением реки, как будто водоросль,
И есть грядущий день на дне.

Вне дремлющих шагов будильника,
Петляющих, как будто циферблат,
Есть основание могильника
Там за порогом озарённых врат.

Где жизнь к великому истоку,
Как тень устремлена,
Где отодвинув тучу локтем,
Месяц смотрит из окна.

Я одет в пустоту,
И одежда с плеча чужого,
Совершил престу-
пление я из умысла злого.

Пустота зацепилась за крик
Рукавом полнолунной Леты,
И семнадцать тысяч улик
Мне предъявлены при этом.

Мне б бежать от стыда,
Только сердце на месте топчется,
И пьянит голос стылый: «Ты? Да!»
Что ж отведай полночное сочиво.

Стол накрыт только часть,
Белоснежно пустая,
И приходится отвечать:
Стол накрыт на шестерых – она седьмая.

Эта родинка на карте,
Остановившаяся в росте,
Словно ржавчина на кокарде
Кемеровской области.

Где на неведомом молчании,
Снега пророчат тишину,
И тучи, словно псы печальные,
Забрались на заката конуру.

Костра перчатка согревает чайник.
Кипяток в жестяной пригоршне.
Я этого неба односельчанин.
В пригоршне месяц продрогший.

В ответвлениях древесных
Жажду желчью поборов.
Лист осенний неврастеник
И Иуда, и Иов.

И не раз ещё приснится
Покрасневшая жилка листа,
Лён вместо ситца,
Пояс – белая береста.

И волна пробежит по лугу,
Набивая кустарник травой,
И мне трость попадётся под руку
И я выкрикну: Друг мой...

Небо прозрело, и чёрными дырами
Глядит из вселенского черепа плесень
Звёзд. Ночь экзальтирована
Своей похоронной процессией.
От скорби до проруби полнолуния
Небо застыло, но чёрный лёд
Растает и выплакан будет к полудню,
Где высится солнечный эшафот.

За Советский Союз,
За звезду, что на Спасскую Башню
Опустила рука вождя всех народов.
Закричи:
Из-под траурных лент плодородного слоя
вернусь,
Словно первые всходы на пашне,
Как кумач на Рейхстаг небосвода.

Поставить точку. Остаться в металле
С порядковым номером восемьдесят два.
Сердце словно сердечник вмяли
В плоть метафизического вещества.

Непредумышленно просто скользили
Взглядом по лицам произнесённых слов.
Каплю молчания с глубь уронили
Свесившись тенью с других берегов.

Каплю, которая дна не достигнет
Уткнувшись в уснувшую толщу воды.
Каплю, которую будешь отныне
Именовать своим именем ты.

Несправедливостью изранен
Я за неправедность свою.
Ночь выстилает мёртвой тканью
Пути к небытию.

И всю прозрачность из стекла
Вытягивает холод.
Минута вечность рассекла
Бросив на ладонь осколок.

Осколок в сердце. Пустота.
Мне нечего бояться.
На острие осколка льда
Смогу над бездной удержаться.

Жара не выносит жара
Спора яви и сна.
Осознанно ставлю курарэ
В рифму именно.

К утру выхожу из шёпота
В комнату впились углы.
Придётся скитаться, где ни попади
На языке стрелы.

Звенит тетива горизонта
В лучах последней звезды
Словно плачет о ком-то
Комната пустоты.

Кто ты? Нет. Замолчи. Я знаю.
Твои крылья всего лишь тень.
Жажду света тьмой утоляя,
Прячешь в луже лунный кистень.

Взгляд хранит глубину полнолуния
И проснулся полуночный снег.
И начертано на роду у меня
Жить во сне.

До мельчайших песчинок прошлое
Различаю на берегу том.
Время словно чёрная кошка
Через пропасть одним броском.

Вспоминаю как красной осенью
Кровь зализывала асфальт.
Я обрез из винтовки Мосина
Променил на трофейный вальтер.

Чтобы вновь в тишину поверить
Я кричал изо всех своих сил,
Рукоять свинцовой истерики
Я в ладони своей топил.

Неужели мне смерть укажет
Жалкий выход из жизни той,
Ну, а в этой, я в стане вражеском
Я у линии береговой.

Снег – понедельник неба
В сознании вечных пляед.
Если укутать не во
Что потусторонний взгляд.

В зеркале как в приюте
Для брошенных взглядов
Трещины словно прутья
Потусторонней ограды.

Снежинки – следы кошачьи,
За мной понедельник пришёл,
Пробелы, в голосе пряча
В динамиках радиол.

На айсберге солнца
Сквозь лунный инстинкт
Радиоволны в хроно – анонсе
Пророчат в соавторы браунинг.

И в летаргических книгах
На полках и на столе
Вечность моя возникнет
С выдержкой сто лет.

Снег – единица мировоззрения.
Я руководствуюсь тишиной,
Только будильник время от времени.
Сон протыкает медной иглой.

И циферблат покрывается дрожью,
Тревожа стреноженный поздний час.
Небо ко мне переброшено
Через незыбленность млечных террас.

Лампочка комнату перефразирует,
Стены как скошенный снег темны.
Будильник идёт улыбаясь миру
Взяв всего сутки займы.

От суицида защищает лень.
Произношу я это с неохотой.
Хотя его уведомление
Блуждает в телефонных сотах.

Настежь выворачивая тень
На почве гелиоцентризма.
Как чёрный полиэтилен.
По ценам сниженным.

Не зарубцованы микроинфаркты
На миокарде часов.
Будильник продолжает каркать
Календарю в лицо.

Хронометр, как пуговицу с мясом
Я вырву из материи пространств.
Пусть хохот, проезжающего МАЗа
Мой карандаш сгибает в реверанс.

Мне остаётся закричать: «Согласен!»,
На день укоротив календари.
Ведь в этот день не пуговицу с мясом
Себя я вырвал из материи.

Половодье наступало на пятки,
Улицы убегающей в бездорожье.
Ночью вода оказалась
Под лунным произволом.
Дорога, словно спящая русалка,
Заблестела чешуёй асфальта.
Невнятная речь спадающей воды
Уснула на дне рождения
Предутреннего часа.

Иногда, чтобы получить письмо,
Нужно прожить целую жизнь.
Но и тогда не каждый его получит.
Мгновения, затмения и полнолуния
Передавали его из рук в руки.
И когда с потусторонней оказией,
Послание тебя находит,
Ты понимаешь, что дорога
Очернила листок.

И только слёзы могут отмыть его,
Чтобы ты мог прочитать одну
Единственную строку:
Я тебя жду.

Не существуешь в сущности
Ни в этом мире, и ни в этом теле.
Отрицая презумпцию
Беспочвенности сопредельной.

Тёмной улицы хвост поджав,
Взгляд не сводишь с лунной креветки.
Магнетизм оконных оправ
Опечатан mosquito сеткой.

Может быть, я опять не прав,
Ведь в цветочном горшке одуванчик.
Вот и вы, об этом узнав
Удивлённо прошепчете: «Значит...».

Есть эта склонность к бездонной
Пропасти. Зачем я лгу.
И вслед за почерком наклонным
Из города бегу.

Я люблю этот город шахтёрский
Эти звёзды кленовой листвы.
Полки книг, возвращённый Бродский
Дух поэзии в книжные втиснут шкафы.

Ничего что не каждый увидит
Старых дворишков русский уют.
Здесь красивое имя Лидия
В сердце клёна нашло приют.

Сохранить бы вот это счастье:
Жизнь у кромки вечерней зари.
Нет, не даст никогда пропасть
Мне мальчик с книгой Экзюпери.

Аннигиляция метафор
В ключе полураспада слов.
Утяжеляет полки шкафа
Не помню, что там серебро.

Смоковница – заря вечерняя
Последнее тепло и даль.
Молчанием подкованные двери
Теряют слово жаль.

И взгляд уже не в силах вынести
Стихи на обаянном лоскуте.
Заря на стенах с пожелтевшей известью
И никого нет в комнате.

Ты говорила на фарси,
А мне, казалось, нежно пела.
Не уходи, не уноси
Ту первую неопытную смелость.

Два взгляда безднами лицом к лицу.
Я навсегда такой тебя хочу запомнить,
Морской песок напоминал пыльцу,
Когда упали мы в его ладони.

И близость утончённая влекла
Как глубина морская увлекает камень,
Ты просто по песку ушла,
Сшивая встречу и прощание шагами.

Одиночество грубо,
Слишком грубо играло.
Безнадёжный свет в угол,
Словно клин, загоняло.

И всё шло не по плану,
Не по плану ты слышишь.
Ведь гранёным стаканом
Отмеряли бессмысленность жизни.

Отмеряли начало,
Словно нет середины.
Безошибочно выбирала
Плеть всевышнего наши спины.

Не до сна, не до яви
Что ты знаешь? Не стоит.
Одиночество старше втрое
Всех кто крылья над бездной расправил.

Назначь расставание на перекрёстке –
Острове двух дорог,
Обыденно просто
Как пламя и мотылёк.

Чтоб ничего уже не мешало
Взгляду враспи
В бездну, которую открывала
Фраза: «Больше не жди».

Краснокожие дороги
Здесь горелик улицы загар.
Жизнь течёт как по протоке
Под пророческие: «Кар-р».

Души изб кричат: «Стремимся
Вслед за дымом к небесам».
Небо принцип
Всех оконных рам.

За околицей одуванчики
Ручку луга золотят.
Пчёлы прилетают с ними нянчиться,
Словно сами их растят.

И из солнечной калитки,
Сняв кибитки облаков,
Выползают знойно-желчные улитки
Объедают тень от цветов.

На закате солнце – корабль,
С парусами хлебнувшими время.
Маяты наголо сабли
В абордаже философемы.

И взглядов точка узловая
Периферическая звезда
Восходит, шёпот обнажая
На тетиве натянутого да.

Ведь вечер это только повод
Коснуться выключателя.
На полочке висят не сто ватт –
А вольфрамовая петля.

Всего лишь вечность, сон всего лишь,
И жизни тень на солнечных часах.
И сердцевина канифоли
Как сердце бьётся в огненных лучах.

И трещина с проезжей части
Сползает в тихий мир травы.
Так словно рыболов, закинув снасти,
Вытягивает тишину в крови.

И, кажется, всего лишь через
Несколько мгновений сон.
Укроет словно лунный вереск
Цветами пустоты дорожный склон.

Невыносимостью желаний
Освободится от себя,
Меня мой мирок окраин
На эпицентр бытия.

По белой коже берёзы
Бензопилой.
Вот она души коррозия
Господи, что со мной.

Где этот крик небесный,
Валера, так что с тобой?
Господи, если честно,
Меня ты тоже бензопилой.

Упали в огород протуберанцы Солнца,
Ворчат соседи, я соглашусь с ними.
Но себе не могу ответить,
Неужели мы, когда то радовались одуванчикам.

На литографии оконной,
Всё явственнее проступает хвойный лес.
Дверцы мебели и двери комнат
От стужи начинают жалобно скрипеть.
Скрипят и половицы.
Когда я в поисках
Оконного дагерротипа,
Начинаю перелистывать стены комнат.
Не замечая, как репетирует холодную мелодию
сверчок.
Тихо распускается бутон огня.
Свечи ресницы пламени отчётливо видны.
Всё больше, больше
Зарастают окна льдом.
И ледовитый лес,
Словно контурная карта СССР
Навис заданием домашним
Заштриховать карандашом простым Кузбасс,
Отметив звёздочкой Полысаево.

Костёр – убийца темноты –
Своим проклятьем опоясывает
Жизнь берега, ушедшего террасами
В речную стынь

Огонь на сухожилиях древесных
Живёт и, кажется, глядит во тьму.
Нет. Кажется, на истину саму
Глядит сквозь млечную завесу.

Каменноугольные тени
Легли крестом.
Глазниц разорванные звенья
Чьей истины зерно.

День. Солнечные вожжи
Коснулись круга лошадей.
И кони тризною стреноженные,
Уйдут вглубь угольных полей.

Там где отмерены границы
У оконечностей береговых
Те кони захотят простится
И коногон уйдёт в поводыри.

На подоконнике спит кот,
Лицо дождя в эмалевым окладе.
Вечерняя заря, луна, восход
Остались навсегда в тетради.

Не хочется, да и грешно
С утра пенять на этот ливень.
Дождь выстирал дороги полотно
До белизны запретных линий.

Минуту или две спустя
Здесь время не имеет смысла,
Луч радужный шрих-код дождя
Куда-то унесёт на коромысле.

И ангел света заберёт
Безликость, серость и унылость.
И станет умываться кот
Ведь и его коснулась божья милость.

Тропинка, как чёрный волос
В седой бороде переулка.
Украсила снежная поросль
Избы азиатские скулы.

Вот и рубашка молчания
Пропитана кровью вьюг.
Связаны до промерзания
Родина и переулок.

На расстояние выстрела
Прижалась к ограде даль.
Переплелись мыслями
Март и февраль.

И на просёлочной сцене
Нет ни души.
Пройдено равноденствие
Искренности и лжи.

Шахта – это дорога под гору.
Чтобы достать из глубины веков
На гора горы
Чёрные как крыло

Первого палеозойского ворона,
Который там надо мной
Кружит по-прежнему
В окаменевшем полёте своём.

Звёзды – огненные крысы.
Лунный сыр им по душе.
Бессмысленно высматривать смысл
Налитых в тарелку щей.

Пресыщённость ложной сутью
Что же ты через край.
Льёшь прошлое на перепутье,
Услышав времени лай?

Кровь – это грифель сменный
Впиталась в мягкий графит,
И словно капля глинтвейна
Черновики пьянит.

Окрысилось небо звёздами,
Роза обвила крест.
Молчание роздано,
Как отрицания жест.

Ведь всё не так, и боль несмело
Ворочается в глубине.
Заката, и земное тело
Обнимет солнце, угождая мне.

Я не люблю свет всесторонний,
Мне ближе дрожь ночной слезы.
Свеча вырастает в подоконник,
Сходя с закатной полосы.

В этом городе хорошо
Сводить счёты с жизнью,
Стены из аш два о
Висят на электропружине.

И про себя говоря
Смотреть на зашторенный ветер.
Восточное сентября
Там за бугром столетия.

Если знаешь, что жизнь – стена,
И все помыслы потусторонние.
Город? Нет, вся страна
Хорошо, если счёт пополнен.

Счёты – это волнисто клетчатый
Шарф. С плеч ручьём.
И всё сводится к вечности.
Не под небом, под потолком.

В букете не хватало красного штриха.
Я нож поднёс и был готов
Перерезать пуповину розы.
Но дрогнула рука,
Как будто я услышал
Окрик грозный:
Убийца.
Капля на багровом лепестке
Передавала судорожный трепет.
Капля росы мне показалась
Каплей крови
Ангела – хранителя цветка.

Лицо луны, как вытянутый жребий
Бессонницы.
В потоке встречного времени
Будильник вот-вот остановится.
Дьявольски удваивается
Глубина падения.
И где там
На дне бездонности,
Словно на столешнице
Усопшего столетия,
Бледнеет взгляд
Люминесцентной лампы.

Вечер.
Ладонь горизонта
Держит вдали ото всех
Солнечное сердце.
Я спускаюсь на ступеньку,
Но не крыльца
А ту,
Что, почему-то осталась в огороде
Старая выкрашенная доска,
С выпуклыми овалами
Обласканных временем сучков.
Ведет меня к солнечному сердцу.

Луна вернула пруд в свои владения.
Берег, заросший камышом –
Щетинистый загривок мифического вепря,
Вцепившегося своим клыком
В бездну неба и воды.
Время брошено на ветер.
На языке отмели
Тает лунный трон.
Всё это я видел в твоих глазах,
Когда ты говорила: «Знаешь...»

Когда меня увидит сон,
Я остановлюсь ему навстречу.
Окаменевшее время вернётся в город
И он застынет
На весь оставшейся мой взгляд.
Застывшие окна и двери домом
Вцепятся в тоскливое чувство этой
Бездонной минуты, опустошая сердце и душу.
Я узнаю этот район города.
Я слышу город, он обращается ко мне.
Он говорит голосом, упавшей листвы:
Проходит всё, и я пройду
И только ты останешься на пустыре,
Когда тебя увидит сон.

Снег. Самый первый сладкий снег.
И самовар заката.
Мне в чай молчания добавил некто
Час поздний сладковатый.

И тени эти чёрные листы
Нависли, словно балахон аббата.
Снег лишь немного подсластил,
Остывший час на блюдце циферблата.

Как солнцем церемониться с снегами,
Не прибегая к серебристой С.
Сон... снег сладковато замер
Со мной, а завтра без.

Ночь небрежно на длинный ноготь
Нанесла красный лак зари,
Словно пальчиком хочет потрогать
Созревающий мандарин.

Улыбнувшись, целует
Розовощёкий свет.
Вырастают так быстро в июле
Из своих светоносных лет.

Вырастают из зёрнышек злаки,
Вот и солнечное молоко
С губ обсохло, и как не плакать,
Если на душу так легло.

Тишины распущенные волосы,
Словно воск, спадают с плеч свечи.
Мотылёк в Эдемской области
Шестикрылый получает чин.

Пламя, крыльями листая,
Ищет, где же там о нём
Напророчествовал Каин
Кровью, вспыхнувшей огнём.

В взмахе вечности увязли
Плаха – стол, топор руки.
И, пронзив Эдемский азимут,
Липнут к лампе мотыльки.

С темноты содрали кожу заживо
И с молчанием столкнулся я лоб в лоб.
Тишина плывёт уставшей тяжестью
По ручьям звериным троп.

Мне теперь одно и то же снится.
Ночь ушла в подземный коридор.
И бессонница на дохлой кобылице
Покидает постоялый двор.

И телега, как ослепший нищий
Пережёвывает колею дорог.
Горизонт в багровое жилище
Солнечный принёс росток.

Мякоть солнечной клубники
Тонет в сливках утренней зари.
Почему-то вспоминаю книги
И закладки из бессонницы внутри.

Разбавляю горечью холодной мяты
Чай. Часы распяты на стене.
Не спешу меня сосватать
К одинокой тишине.

Беспочвенность плуга
И помутневший рассудок зеркал.
Кто и откуда
Шёл, и себя в глубине изыскал.
Чья безграничность
Из тьмы поднимала
Паузу дня.
И чьё пребывание
Там истекало,
На волосок приоткрыв
Створки врат для меня.

Белым движением из-под пера
Весенние вырастают эскизы.
Листья – зелёные юнкера –
Под флагом цветущей отчизны.

Идёт вдоль дороги берёзовый лес,
Ветер, как символ отваги.
Солнце целует эфес,
И взгляд продолжение шпаги.

Все реки выходят из берегов,
Тем более жизни этой.
Там ждут юнкеров
Звёзды и эполеты.

*Укутавшись
в мурлыканье
кота*

Лунное вино
Утоляет жажду говорить
И жажду слушать.

Ночь, ветреная и подвыпившая,
Полирует асфальт ветошью –
Демисезонной листвой.

В октябре созреет снег,
И упадёт на землю.
И каждый шаг наш
Будет собирать
Его упавший голос.

Снег прошёл,
Прошедшему верить.
Двуперстием автомобильной колеи
Утро перекрестило
Улицу и переулок.

Улитка

Молчание собрано в кулак
И лёгкость бытия
И медленность,
К которой не дано
Нам снизойти.

Выбор улитки
Клинок камыша
И солнце на щите пруда.

В небо ушли
Трассирующие пули костра
Как целеуказатели вечности.

Молчание Святой Руси
Опубликовано
На заснеженных полях
Книги
Провинциальной тишины.

Жажду вечности
Я утолил пригоршней
Колокольного звона.

Время – зеркало в прошлое

И только осень
Упомянуло тишину
В своём завещании.

Снимая затмения декольте
С округлых плеч солнца,
Месяц обжёт пальцы.

Ручной пулемёт Дегтярёва

Простуженный под Москвой
И смертельно больной,
Он не сдерживал мучительный кашель
И выплёвывал в берлинское небо
Последний свинец своих лёгких.

Пропавшему без вести

Мой дед лежит
На дне сорок второго.
И каждую весну
Рука моего беспамятства
Приносит новый песок забвения.

Никто с такой печалью не молчит,
Как окаменевший дом,
Заштрихованный
Со всех сторон света
Молодыми клёнами.

Шёл дождь,
Вытаскивал шум
Из своих капель.
И женщины на ум
Шли
Из своих платьев.

Я родился осенью,
Словно первый снег.

Промокшие дни.
Капля сбегает с ветки,
Убегая от себя.

Луна – посмертная маска Солнца

От света шахтёрского светильника
Слезится угольный пласт,
Словно он вспомнил Солнце.

С какой бы точки сада камней ты не смотрел
Один камень будет скрыт от тебя.
Это твоё сердце.

Заброшенная шахта

Одеревеневшее лицо
Потерянный взгляд.
Шифер как выцветшая вельветовая косынка.
И с каждым годом
Сюда приходит
Всё больше и больше
Молодых клёнов.

Сумерки – ржавое лезвие дня
На сонной артерии Солнца –
Оставили шрам заката.

Циферблат – это зеркало времени,
Где нет глубины.

Выбрасываю
Рубленный снег со двора.
Март на пороге.

Ветер, как вольный слушатель,
В храмовый комплекс жары
Принёс своё простодушие.

В снегах увязли телеграфные столбы.
Низина вечности невыносимо близко.
И, кажется, только
Тонкие крылья слов
Удерживает на весу
Линию жизни
Телеграмм.

Через сто лет
Чёрный чай
В блюде небосклона
Будет обжигать
Губы заката.

День – солнечная сторона
Времени.

Я вместе с цветущей вишней
Смотрю в сторону
Тишины.

На ржавом листке пиона,
Выпекает тишину
Полуденный зной.

Дождь пролил свет
На подорожник,
Чтобы я уступил дорогу.

Ожидание

В эту ночь
Галактики доступны каждой луже.
Двуперстие автомобильных фар
Меня выхватывает
Из тишины молитвенного предела
Оконных рам.

На полуслове
Снег оборвал закат.
Я бросился к зазвонившему телефону.

Я отталкиваюсь от снега,
Сжимая его до размера молчания,
Слышу, как скрипит ось земли.

Оружие не ржавеет
На нём выступает кровь.

Подснежник

Цветок под снегом,
Словно душа
На дне рождения.

Вначале
Зеркало было водоразделом
Жизни и смерти.

Часы

Ежеминутно,
Спариваясь стрелки
Всего лишь отмечают шестьдесят.

Снег. Бездомный кот
На крышке колодца теплотрассы,
Словно на божьей ладони.

На каждом цветке
Лежит тень улыбки
Ангела молчания.

К Богу
Сорванным голосом
Обращается цветок.

Я не выношу крик времени,
И потому в доме
Нет будильника.

Я шёл всю жизнь
На шёпот листопада,
На крик опустошения.

Дождь и свеча
Через окно друг другу
Изливают душу.

Скажи как там?
Там даже деревья лист
Не шелохнётся.

На дне чашки кофе
Зернистый негатив
Грядущего.

Снег –
Белое одностишие
На берестяной грамоте
Тротуарной плитки.

Костёр разозлился
И искренно разозлился на ветер.
Лунное зеркало запотело,
Словно кто-то захотел проверить,
Жив ли я.

Затмение ошпарило закатом.
Полуденные тени.

Здесь в октябре
Ты увидишь
Снега радостное лицо.

С прямолинейностью света
Кто утончённой
Спорят тени.

Сентябрь. Тишина.
Снегосмятение в душе
Хризантемы.

Сгущается прошлое.
Трещина на оконном стекле,
Словно протянутая мне
Нить лунного клубка.

Дождь прислонил к небу
Дорожный посох
Листопада.

Закат умиротворён грядущим.
Луна словно кропотливая улитка
Ползёт по лезвию самурайского меча.

Гравюра марта.
Снег, уставший от жизни,
Выветренный наст.

Я вязну в облаке.
Снег возвратил
Небо на землю.

Встречал март.
Грейдер ножом нарезал
Ломти серого снега.

Во дворе
Брошены на произвол судьбы
Белоцветные кусты снега.

Сентябрь протянул
Уставшему закату
Посох листопада.

Он тебя слышит,
Так хочется поверить
Шёпоту свечи.

Воск остывает.
Сердце ангела света
Остановилось.

Укутавшись в мурлыканье кота,
На ступеньке меридиана
Я провожаю закат.

Ладонь заката.
Берег пасмурной реки.
Костёр задумчиво умолкший.

Капля лунной смолы
Склеила страницы заоконной книги,
Которую перелистывали часы.

Вакцина осени
Всего лишь слов игра,
Но для меня спасение.

На циферблате сломанных часов,
Как на ладони молчания,
Лежит время.

Бездна всегда
Всего лишь в одном слове
От тебя.

Ветка цветущей черёмухи
Сломана словно крыло
Птицы счастья.

Кресты стрекоз
На кладбище заката
И чёрный бархат тишины.

Ветер озлоблен
На скупость дождя.
Одуванчик прячет улыбку.

Застыла река.
На склонах молчания
Заросли снега.

Свежевыбритое солнце,
Пену утренней зари
Смывает росой.

Черёмуха

Когда я в пути
Кто подставит тебе плечо
Во время снеголома.

Как мотылёк
Летит на свет радиоламп
Голос диктора.

Морская раковина –
Радиостанция
Моего мира.

Ночь. Одиночество.
Берег пятого океана.
И белый шум радиоволн.

Словорождение.

Что было до словорождения? Был образ Слова?

Был светлый образ Слова. Первосмысл словорождения это появление на Свет Человека, ведь душа его находится в слове. Как бы не был скуден внутренний мир человека, его подсознание стремится к своей первоизначальности, к образу слова, а, по сути, к бессмертию.

И в этих метаморфозах и метаниях души, как неотъемлемой части слова создаётся свой образ своего слова и человек становится поэтом. Для поэта, как для творца, в какой-то миг окружающая реальность приобретает оттенок эфемерности и созидатель нового слова создаёт. Нет не свой мир, а свой образ книги, где страницы сделаны из амальгамы бездны, где текст подобен ажурной двери, открыв которую читатель восходит к первообразу слова, того первого слова, к которому тайно стремилась его душа.

Ведь поэзия – это роскошь души. Это твоё состояние, хранящееся как наследие в строчках стихотворения.

Стихотворение рождается не сразу, не верьте озарению свыше.

Стихотворение, как зарождающийся в глубинах памяти протуберанец мысли, должно вас услышать и превратится в слух, собирая всё, что вы пытаетесь забыть, или вспомнить.

Поэзия возникает из перекрёстного опыления слова зрительными и звуковыми символами. Это когда зрительный образ фиксируется как визуальный.

По сути, первопоэзия есть скрытое сокровенное обращение к посвящённому читателю, слушателю и главное к исполнителю. И уже не поэзии, а криптопоэзии. Как утверждает современные продолжатели литературного ордена «Экзагега Логоса», стихотворение есть временной предел, который своей недоступностью символизирует древний суфизм, непонятный и необъяснимый, он интуитивно открывает исполнителю сердце стихотворения. Ведь стихотворение это воспоминание, при чтении в какой-то момент, ты теряешь его в новоузновании себя. Ведь слово тянется не к читателю, а к своему образу. Если вспомнить, что в начале было Слово, то человек – это послесловие.

Содержание

Вечер вычерпал листья книги

Свой голос у каждого снега	4
Черновик и отрывок луны... ..	4
Снег приходит прозрачным	5
Есенину.....	5
Я забыл, как выглядит шинель... ..	6
Я встречу снег светонесущей у стены.....	6
Тихий ангел. Просёлочный город	7
Ночь ближе всех к карандашу.....	7
Когда будильник не скрывает тон.....	8
Дым осыпается с небес.....	9
Скорей, скорей.....	9
Здесь на закате Солнце флаг.....	10
Когда мирок как остров.....	11
Вкус пламени солоноватый.....	11
Последний день и первое мгновение... ..	12
На подоконнике вселенной.....	12
Есть ненависть к жизни.....	13
Поменяемся местами.....	13
Ветер вычерпал листья книги.....	14
Раздумий лёгкое поветрие.....	14
Бессмысленность и бесконечность.....	15
Чистая горечь.....	15
Когда лошадь вывели из шахты.....	16
Пасхальный звон.....	16
Я не буду похоронен.....	17
Течёт по артериям штреков.....	18
Как непривычна тишина.....	18
Ночь. Солнечная язва.....	19

Среди бездомных вьюнков.....	19
Здесь пыль словно времени крах.....	20
Дождь не поверил.....	21
Я фаталист, моё предназначенье.....	21
Город – стоптанный башмак.....	22
Ночь опускается ко дну.....	22
Отдайте молчанию небо.....	23
Начало улицы космонавтов.....	23
Когда-то в шахте работали лошади.....	24
Меня просто не стало.....	24
Луч – стрелка солнечных часов.....	25
Снег упал на штыки.....	25
Рисую бабочек на дне... ..	26
Угольный камень – чёрный голубь.....	26
Вольтер, комната и стеллажи.....	27
День точку жирную поставил.....	27
Я одет в пустоту.....	28
Эта родинка на карте.....	29
В ответвлениях древесных.....	29
Небо прозрело, и чёрными дырами.....	30
За Советский Союз.....	30
Поставить точку. Остаться в металле... ..	30
Несправедливостью изранен.....	31
Жара не выносит жара.....	31
Кто ты? Нет. Замолчи. Я знаю.....	32
До мельчайших песчинок прошлое.....	32
Снег – понедельник неба.....	33
Снег единица мировоззрения.....	34
От суицида защищает лён.....	34
Хронометр, как пуговицу с мясом.....	35
Половодье наступало на пятки.....	35
Иногда, чтобы получить письмо.....	35

Не существуешь в сущности.....	36
Я люблю этот город шахтёрский.....	37
Аннигиляция метафор.....	37
Ты говорила на фарси.....	38
Одиночество грубо.....	38
Назначь расставание на перекрёстке.....	39
Краснокожие дороги.....	39
На закате солнце корабль.....	40
Всего лишь вечность, сон всего лишь.....	40
По белой коже берёзы.....	41
Упали в огород протуберанцы Солнца.....	41
На литографии оконной.....	42
Костёр – убийца темноты.....	42
Каменноугольные тени.....	43
На подоконнике спит кот.....	43
Тропинка как чёрный волос.....	44
Шахта – это дорога под гору.....	45
Звёзды – огненные крысы.....	45
Ведь всё не так, и боль несмело.....	46
В этом городе хорошо.....	46
В букете не хватало красного штриха.....	47
Лицо луны, как вытянутый жребий.....	47
Вечер.....	48
Луна вернула пруд в свои владения.....	48
Когда меня увидит сон.....	49
Снег. Самый первый сладкий снег.....	49
Ночь небрежно на длинный ноготь.....	50
Тишины распущенные волосы.....	50
С темноты содрали кожу заживо.....	51
Беспочвенность плуга.....	52
Белым движением из-под пера.....	52

Укутавшись в мурлыканье кота

Лунное вино.....	54
Ночь ветреная.....	54
В октябре созреет снег.....	54
Снег прошёл.....	55
Улитка.....	55
Выбор улитки.....	55
В небо ушли.....	56
Молчание Святой Руси.....	56
Жажду вечности.....	56
Время.....	57
И только осень.....	57
Снимая затмения декольте.....	57
Ручной пулемёт Дегтярёва.....	57
Пропавшему без вести.....	58
Никто с такой печалью не молчит.....	58
Шёл дождь.....	58
Я родился осенью.....	59
Промокшие дни.....	59
Луна.....	59
От света шахтёрского светильника.....	59
С какой бы точки.....	60
Заброшенная шахта.....	60
Сумерки – ржавое лезвие дня.....	60
Циферблат.....	61
Выбрасываю.....	61
Ветер, как вольный слушатель.....	61
В снегах увязли телеграфные столбы.....	62
Через сто лет.....	62
День.....	62
Я вместе с цветущей вишней.....	63

На ржавом листке пиона.....	63
Дождь пролил свет.....	63
Ожидание.....	64
На полуслове.....	64
Я отталкиваюсь от снега.....	64
Оружие не ржавеет.....	65
Подснежник.....	65
Вначале.....	65
Часы.....	65
Снег. Бездомный кот.....	66
На каждом цветке.....	66
К Богу.....	66
Я не выношу крик времени.....	66
Я шёл всю жизнь.....	67
Дождь и свеча.....	67
Скажи как там?.....	67
На дне чашки кофе.....	67
Снег.....	68
Костёр разозлился.....	68
Затмение ошпарило закатом.....	68
Здесь в октябре.....	68
С прямолинейностью света.....	69
Сентябрь. Тишина.....	69
Сгущается прошлое.....	69
Дождь прислонил к небу.....	69
Закат умиротворён грядущим.....	70
Гравюра марта.....	70
Я вязну в облаке.....	70
Встречал март.....	70
Во дворе.....	71
Сентябрь протянул.....	71
Он тебя слышит.....	71

Воск остывает.....	71
Укутавшись в мурлыканье кота.....	72
Ладонь заката.....	72
Капля лунной смолы.....	72
Вакцина осени.....	72
На циферблате сломанных часов.....	73
Бездна.....	73
Ветка цветущей черёмухи.....	73
Кресты стрекоз.....	73
Ветер озлоблен.....	74
Застыла река.....	74
Свежевыбритое солнце.....	74
Черёмуха.....	74
Как мотылёк.....	75
Морская раковина.....	75
Ночь. Одиночество.....	75
Словорождение.....	76

Литературно-художественное издание

Валерий Константинович Ухандеев

В масштабах криптопоэзии

Книга стихотворений

Составитель: Д.А. Филиппенко
Компьютерная вёрстка: Д.А. Филиппенко
Корректор: О.А. Шмакович
Автор обложки: Н.М. Уланов
Автор проекта: Д.А. Филиппенко
Стихи опубликованы
в авторской редакции